

ПРОБЛЕМА ЧИТАТЕЛЬСКОГО ВОСПРИЯТИЯ «ТРУДНЫХ» ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТОВ

Шагиева Н.Ф.

*преподаватель Чирчикского государственного педагогического
института Ташкентской области; Чирчик, Узбекистан*

Аннотация: В данной статье рассмотрены проблемы чтения как культурного и дидактического феномена. Характеристика различных типов читательского восприятия современной художественной литературы позволяет выявить особенности чтения «трудных» текстов русского постмодерна. Полученные результаты интерпретируются в контексте дидактических задач.

Ключевые слова: Эстетический резонанс, интенция читателя, читатель-исследователь, критически-скептическое восприятие, абстрактно-логическое восприятие.

THE PROBLEM OF READERS' PERCEPTION OF "DIFFICULT" LITERARY TEXTS

Shagieva N.F.

*Lecturer of the Chirchik State Pedagogical Institute of the Tashkent
region; Chirchik, Uzbekistan*

Abstract: The paper is devoted to consideration a problem of reading as important cultural and didactic phenomenon. The different types of reader's perception of modern fiction literature are characterized, which allows the author to reveal features of the reading of the difficult Russian postmodern texts. The conclusions are interpreted in the framework of didactic intents.

***Keywords:** Aesthetic resonance, reader's intention, reader-researcher, critical-skeptical perception, abstract-logical perception.*

Проблема чтения как культурного и дидактического феномена напрямую связана с тоталитарной природой любого художественного текста, проявляющейся в естественной для него установке быть так или иначе воспринятым. Акт восприятия текста в известном смысле есть акт принуждения читателя к совершению необходимых операций по декодированию текстовой информации, ее интерпретации, акт насилия воспринимаемого над воспринимающим. Читатель, вошедший в эстетический резонанс с художественным текстом, следует текстовому императиву, не возмущаясь его жесткостью, зачастую вообще не замечая диктата текста, и, более того, переживает власть текста как эстетическое наслаждение. Так насилие может оборачиваться мощнейшим интеллектуальным и эмоциональным обаянием подлинно художественного текста. Читатель, эстетически дистанцирующийся от воспринимаемого художественного текста, сопротивляется его воздействию, бунтует против того, что шокирует его литературный вкус, противоречит его поведенческим установкам. Крайняя форма такого бунта — отказ от чтения. Куда чаще неприятие эстетики художественного произведения выражается в критически-скептическом к нему отношении, сохраняющем свою актуальность до тех пор, пока кажущееся неприемлемым, антихудожественным не будет подвергнуто эстетической переоценке и не получит в результате ее статус новой эстетической нормы.

За каждым из трех «участников» литературной коммуникации — читателем, текстом (произведением) и автором — в современной филологии признается наличие специфических интенций (соответственно *intentio lectoris*, *intentio operas*, *intentio auctoris*).

Интенции **читателя** состоят в декодировании, расшифровке, то есть прочтении и понимании, интерпретации текста. В филологическую эпоху, предшествующую современной, вышеприведенный перечень участников эстетической коммуникации имел обратный порядок: автор (создатель, творец, демиург), текст (произведение), читатель. Современное первенствующее положение **читателя** определяется тем, что именно и только **воспринимающий** мыслится сегодня субъектом интерпретации как единственно возможной формы выявления смысла произведения. Именно **читатель** признается субъектом *конкретизации* как процесса «воссоздания художественного произведения, наполнения смыслом рамок художественной структуры путем заполнения пустых мест и участков неопределенности своими представлениями и эмоциями на основе собственного горизонта ожидания» [1, с. 57]. *Горизонт ожидания* (иначе говоря, читательские идейные, языковые «предвкушения») неразрывно связан с типом читателя: он уже и жестче у *наивного, простодушного, ординарного, рядового, массового читателя, читателя-созерцателя*, который «ищет... привычных ему мыслей и образов, не умеет мотивировать своих... литературных предпочтений» [2, с. 180—181]. Более широкими, гибкими, богатыми являются рецептивные возможности у так называемого *искушенного, пронизательного, идеального, образцового, абсолютного, критического, властного, когерентного, компетентного, аристократического, сверх- или архичитателя*, читателя-друга, «провиденциального собеседника» (О. Мандельштам), который «переживает творческий миг во всей его сложности и остроте» [Там же].

В современной русской прозе со всей выразительностью представлены разные типы читателей. Так, безусловными антиподами следует признать читающих героев Л. Улицкой и Т. Толстой. Сонечка из одноименной повести Улицкой в разные периоды своей жизни ищет и находит в книгах притягательную красоту и всепобеждающую любовь.

Рьяная и опьяняющая страсть к чтению (20)¹ владеет главной героиней повести:

...Сонечка пасла свою душу на просторах великой русской литературы, то опускаясь в тревожные бездны подозрительного Достоевского, то выныривая в тенистые аллеи Тургенева и провинциальные усадьбы, согретые беспринципной и щедрой любовью почему-то второсортного Лескова (8—9).

Погружение в книжный мир помогает Сонечке пережить крах ее личной женской судьбы:

Совершенно опустошенная, легкая, с прозрачным звоном в ушах вошла она к себе. Подошла к книжному шкафу, сняла наугад с полки книгу и легла, раскрыв ее посередине. Это была «Барышня-крестьянка». Лиза как раз вышла к обеду... и от этих страниц засветило на Соню тихим счастьем совершенного слова и воплощенного благородства... (102)

С книгой Сонечка коротает долгую старость: *Вечерами... она уходит с головой в сладкие глубины, в темные аллеи, в вешние воды* (127).

Чтение для Сонечки — возможный мир, притяжение которого неизбежно, и этот мир эротически окрашен. Ведь помимо нейтральных в этом отношении лексических компонентов (*чтение, великая русская литература, Достоевский, Тургенев, Лесков, книга, «Барышня-крестьянка», библиотека, каталог, читальный зал*) лексике «чтения» принадлежат эротически маркированные в вертикальном контексте культуры словосочетания *темные аллеи, вешние воды*, которые русский читатель не воспринимает как сугубо свободные вследствие очевидной аллюзии на соответствующие литературные произведения (а *темные аллеи* — на целый цикл). В результате словосочетание *вешние воды* эксплицирует безрассудство, неуправляемость эротической стихии, а

словосочетание *темные аллеи* — непознаваемость и неодолимость сексуальных позывов. Изысканный аромат эротики, который источают эти словосочетания, усиливает семантика свободного словосочетания *сладкие глубины*. Так в тексте повести лексика «чтения» становится экспликантом концептуальной информации.

К какому же типу читателя можно отнести Сонечку? Кем она является — простодушным читателем-созерцателем? Скорее всего, да, но также очевидно, что ей присущи аристократизм читательских пристрастий (обратим внимание на то, какой литературой зачитывается героиня Улицкой) и способность любования словом, свойственные пронизательному архичитателю. На наш взгляд, Сонечка заслуживает высокого (хотя и парадоксального) «звания» **наивного архичитателя**, то есть представляет собой тип читателя, ломающий классификационные рамки.

Не учтен в вышеприведенной типологии и тип **читателя-варвара**, представленный героем романа Т. Толстой «Кысь». Катастрофа, последствия которой описаны в произведении Толстой, привела к слому культурной вертикали и рождению героя-мутанта с пороком культурной генетической программы — грамотного варвара, человека-оборотня, ужасная животная ипостась которого неизбежно подавляет в нем все лучшее, обостряет все порочное. В начале романа в переписчике книг и благодарном их читателе ничто не напоминает хищную кысь так как интенции Бенедикта-книгодея вполне традиционны: его непреодолимо влечет возможность приобщения к литературе как источнику нового, неизведанного и увлекательного:

Вот читаешь, губами шевелишь, слова разбираешь, и вроде ты сразу в двух местах обретаешься: сам сидишь али лежишь ноги подогнувши, рукой в миске шаридь, а сам другие миры видишь, далекие али вовсе небывшие, а все равно как живые. Бежишь, али плывешь, али в саях

скачешь, спасаешься от кого али сам напасть задумал — сердце колотится, жизнь летит, и ведь чудеса: сколько книжек, столько и жизней разных проживешь! (219)2

Бенедикту мало свойственно теоретическое мышление, направленное на познание сущности явлений и отражающее действительность в форме абстрактно-логических понятий, но его страсть к чтению питается все-таки интеллектуальной потребностью найти заветную Книгу, таящую ответы на коренные вопросы бытия:

...может, тут где... может, и заветная книжица!.. где сказано, как жить-то... куда идтить-то!.. Куда сердце повернуть!.. (345)

Герой Толстой воспринимает тексты преимущественно благодаря эмоциональному мышлению, на основе образов-представлений, в конкретно-чувственной форме. При этом Бенедикт, носитель дотеоретического, обыденного сознания, до поры оказывается наделен и внетеоретическим, художественным сознанием:

Все у Бенедикта в книгах, словно в тайных коробах, свернутое, схороненное лежит: и ветер морской, и луговой, и ненастный, и снеговой, и который зефиром звать, и синий, и песчаный! Ночи беззвездные и ночи страстные, ночи бархатные и ночи бессонные! Южные, белые, розовые, сладчайшие, иссушающие! Звезды золотые, серебряные, голубые, зеленые, и как соль морская, и бегучие, и падучие, и зловещие, и алмазные, и одинокие, и бедой грозящие, и путеводные, слышь, — и путеводные (237).

Как видно из примера, регистрация, перечисление (учет) книжных сокровищ все-таки оборачиваются любованием словом, эстетическим переживанием образов. Обострение же недуга культурного одичания

проявляется у Бенедикта в помрачении художественного сознания, при котором процесс чтения извращается в механистическое потребление

печатного слова, наполненное замещает пустота: «.....», — читал Бенедикт, бегая уже привычными глазами по строчкам, — «.....» (241).

В речевом поведении главного героя романа Т. Толстой «Кысь», в его варианте воплощения сценария «чтение» в утрированном виде проявляются симптомы культурного недуга, во многом свойственные сегодняшнему массовому читателю, массовому потребителю культуры. Читающий варвар и есть зловещая кысь, которая неотрывно смотрит в спину великой литературе, многовековой культуре.

Читательская практика героев Улицкой и Толстой представляет соответственно положительный и отрицательный полюсы компетенции «непрофессионального» читателя. Нас же интересует проблема образования «профессионального» читателя, каким безусловно должен быть филолог. Общеизвестно, что воспитание навыка филологического чтения — непростая задача в приложении к любому литературному материалу, но эта задача чрезвычайно усложняется в том случае, когда речь идет о квалифицированном чтении художественных текстов эпохи постмодерна. Почему же чтение книг многих авторов, не чуждых постмодернистской эстетике, превращается в почти непосильный труд для многих не начинающих, а в полной мере сформировавшихся **читателей-исследователей**? Причин тому немало. Назовем главные из них:

1) провозглашаемое теоретиками постмодернизма освобождение читателя от насилия стереотипа, от мертвящего автоматизма восприятия оказывается чревато новым насилием над читателем — насилием, языковыми орудиями которого становятся мат, экскрементальная и прочая «тошногенная» лексика, тотальное клиширование речи или ее предельная примитивизация;

2) наличествующие в произведениях любой литературной эпохи участки смысловой неопределенности могут разрастаться в

постмодернистских произведениях в обширные «туманности», препятствующие

рождению внятной интерпретации;

3) приверженность к утверждению через крайнюю форму отрицания, к шоковой и брутальной поэтике создают этически дискомфортные условия для читателя;

4) предельная насыщенность произведений постмодерна интертекстуальными рефлексивными рождает хитросплетения, в которых так легко потеряться читателю.

В процессе обучения студенты-филологи должны быть подготовлены к пониманию названных особенностей современной литературы и преодолению обусловленных ими трудностей чтения постмодернистских текстов. При этом не следует забывать о том, что художественные тексты эпохи постмодерна обладают той же интенцией, что и тексты иных культурных парадигм. Эта интенция состоит в «производстве своего образцового читателя, то есть читателя, способного выявить смысл, запрограммированный текстом, и тем самым редуцировать бесконечное множество возможных прочтений к нескольким интерпретациям, предусмотренным самим текстом» [3, с. 162]. Текст как гарант интерпретации предотвращает своими текстовыми стратегиями разрастание «раковой опухоли интерпретации» (У. Эко), ограничивает интерпретационное поле, ориентируя читателя в поиске «некоего инварианта» (Н. С. Болотнова), «инвариантного ядра» (А. И. Домашнев) смысла текста.

Мы солидарны с мнением Н. С. Болотновой и ее соавторов о том, что «на уровне целого текста можно говорить о его *регулятивной функции* и *способах регулятивности*, то есть *приемах* организации текстовых микроструктур с учетом общей коммуникативной стратегии текста» [4, с. 31]. Этот тезис звучит особенно актуально в приложении к современному

этапу культурного процесса, для которого характерен, по выражению Ж. Бодрийяра, «экстаз коммуникации». Автор волен обманывать эстетические ожидания читателя, подрывать его уверенность в собственной языковой, литературной и житейской компетенции, провоцировать его раздражение зонами смысловой неопределенности в тексте, вызывать возмущение этически запрещенными приемами повествования, но не может не дать читателю ключ к пониманию произведения, не может не обозначить теми или иными лингвопоэтическими «вехами» путь к декодированию художественного текста. Отыскивать такой ключ и уметь им воспользоваться — необходимый навык для любого читателя, но прежде всего — для читателя-филолога. Воспитание этого навыка должно быть одной из главных задач таких учебных дисциплин, как «Стилистика», «Лингвистика текста», «Филологический анализ художественного текста».

Г. О. Винокур в своей и сегодня актуальной работе «Культура чтения», перечисляя такие приемы и средства организации чтения, как пометки и записи по ходу чтения, наведение различных справок по неясностям текста, писал об интересующей нас проблеме: «В зависимости от того, что мы читаем и с какими целями, мы пользуемся различными читательскими приемами истолкования и критического освещения данного текста. <...> Культура чтения и есть проблема сознательного и целесообразного применения этих приемов» [5, с. 88]. К сказанному Г. О. Винокуром следует добавить: понимание, аргументированная интерпретация содержания объективно «трудных» постмодернистских художественных текстов возможны только при четкой профессиональной мотивации и при сформированном навыке терпеливого, пристального, тщательного, не столько оценочного, сколько изучающего чтения. Успех такого чтения может и должен быть обеспечен многоаспектной и системной как теоретической, так и практической филологической «предподготовкой».

Литература

1. Дранов А. В. Конкретизация // Современное зарубежное литературоведение: концепции, школы, термины. М., 1996.
2. Гумилев Н. С. Читатель // Гумилев Н. С. Собр. соч.: В 4 т. М., 1991. Т. 4.
3. Усманова А. Р. Гиперинтерпретация // Постмодернизм: энциклопедия. Минск, 2001.
4. Болотнова Н. С., Бабенко И. И., Васильева А. А., Карпенко С. М., Орлова О. В., Сыпченко С. В., Тюрина Р. Я. Коммуникативная стилистика художественного текста: лексическая структура и идиостиль. Томск, 2001.
5. Винокур Г. О. Культура чтения // Винокур Г. О. Введение в изучение филологических наук. М., 2000. С. 81—93.
6. Аметовна, Ю. Т., & Назаровна, К. Х. (2020). Применение интеграции при обучении русскому языку в национальных группах. Суз санъати, (3).
7. Yuldasheva, T., & Kadirova, K. (2020). Teaching Russian with Innovative Approach. European Journal of Research and Reflection in Educational Sciences, 8(7).
8. Юлдашева, Т. А. (2021). Методы исследования в методике преподавания русского языка. Academic research in educational sciences, 2(2).
9. Ametovna, Y. T. (2021). Features of the methodology of teaching russian as a foreign university. International Engineering Journal for Research & Development, 6(ICDSIIL), 3-3.
10. Yuldasheva, T. A. (2020). Boshlang 'ich sinfda izohli o 'qish jarayonini qo 'llash. Science and Education, 1(Special Issue 2)

11. Юлдашева, Т. А. (2021). Виды коммуникации и коммуникативные барьеры в межкультурном общении студентов иноязычных групп. *academic research in educational sciences*, 2(4), 2027-2030.
12. Yuldasheva, T. A., Begimova, A. (2022). The Role of the Constitution of the Republic of Uzbekistan in our Free and Prosperous Life. *International Journal Of Multidisciplinary Research In Science, Engineering and Technology*, 5(2), 15-22.
13. Ametovna, Y. T. (2021). Intercultural communication: essence, object, history. *Emergent: Journal of Educational Discoveries and Lifelong Learning (EJEDL)*, 2(05), 109-111.
14. Юлдашева, Т. А., & Калдибекова, К. (2021). Активные методы и приёмы обучения на уроках русского языка в школе. *Academic Research in Educational Sciences*, 2(11), 1427-1434.
15. Юлдашева, Т. А., & Очилова, А. (2021). инновационные подходы к гражданскопатриотическому воспитанию. *Academic Research in Educational Sciences*, 2(11), 1443-1447.
16. Юлдашева, Т. А. (2021). преподавание русского языка в иноязычных группах. *экономика и социум*, 11(90), 1148-1152.
17. Юлдашева, Т. А. (2021). русский язык в школе и в вузе: проблемы изучения и преподавания. *экономика и социум*, 9(88), 1015-1021.
18. Юлдашева, Т. (2021). виды кластеров и их применение на уроке. *academic research in educational sciences*, 2(7), 308-314
19. Юлдашева, Т. (2021). современные инновационные технологии в образовании и их применение. *oriental renaissance: innovative, educational, natural and social sciences*, 1(7), 386-393.
20. Юлдашева, Т. А. (2021). русский язык в современном мире: традиции и инновации в преподавании русского языка в национальных

группах. academic research in educational sciences 2(cspi conference 2), 128-132.

21. Юлдашева, Т. А. (2021). обучение языковой коммуникации на русском языке. экономика и социум, 3(2), 593-596.